А.М. СУНГУРСКИЙ

ПОРОЖНЯК

А.М. Сунгурский

Порожняк

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Порожняк / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Весовщица Инга подписывает накладные на лом, которого никто не привозил. Через несколько дней после гибели водителя его дочь Алёна приезжает на отцовском грузовике. Под тентом лежат два чугунных лестничных марша. Весы показывают ту же цифру, которую погибший просил Ингу запомнить. Тогда она своими глазами видела пустой кузов.За перевозку готовы рассчитаться сразу несколько человек. Каждый по-своему объясняет, куда вёз лестницу водитель и кому её обещал. Алёна ищет тех, кто видел отца в последний вечер. Чтобы объяснить, какой груз он увёз и почему его хотят вернуть, Инге придётся предъявить бумаги со своей подписью.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вес с грузом 5
Глава 2. Передняя створка 8
Глава 3. Место для суммы 11
Глава 4. Синий стул 13
Глава 5. Другие весы 16
Глава 6. Ящик у окна 19
Глава 7. Пока ворота открыты 22
Глава 8. Белый болт 24
Глава 9. Две черты 26
Глава 10. Верхний пролёт 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

А.М. Сунгурский
Порожняк

Глава 1. Вес с грузом

Грузовик Молчанова подал гудок у ворот. За четыре дня со смерти водителя Инга привыкла, что каждый раз на этот звук поднимает голову. Денис сигналил коротко и дважды. Площадка давно расщедрилась на кнопку вызова, её ещё утром протирали от пыли. Денис умел снять с мотора голову и собрать обратно, а к кнопке никак не мог приладить локоть из окна. Говорил, короток.

Инга отложила хлеб. За воротами стояла машина Дениса, с белой заплатой на правом крыле. Вчера за этим крылом у стены ещё стоял венок. Белую ленту прихватили синей прищепкой, чтобы не волочилась по земле. Дверь кабины открылась. Сперва показался женский сапог, потом человек в жёлтом отцовском жилете проехал подошвой по грязной ступеньке и прыгнул на землю.

Инга узнала Алёну по тому, как та пригнула голову, прежде чем заговорить. В детстве она делала так перед чужой собакой. Давно уже взрослая женщина, сейчас подходила к будке с этой своей старой предосторожностью и вытирала руку о жилет. За мешками с алюминиевыми банками Алёна увидела Ингу и перестала вытирать.

— Пустите? Мне на весы.

— Ты одна приехала?

— А надо было с кем-то?

Инга сняла с крючка ключ от ворот, накинула куртку и вышла. Ключ всю зиму таскали в одном кармане с горстью шурупов, на бородке давно сошла краска. На весах самой всё равно открывать, кого бы ни прислали.

— Ты у нас груз сдаёшь?

— Я его назад привезла. Мне сперва взвесить.

— Что везёшь-то?

— Лестницу. Сейчас открою.

Алёна перевела взгляд на двор и задержалась на людях возле контейнера. Там разделяли медь и латунь. Каждый работал с собственной кучкой, но из троих ни один не поднял лица, хотя услышали все. Инга открыла створку пошире. Алёна пошла к кабине, вдруг обернулась и спросила, где сегодня рыжий кот. Инга сказала, спит у мотористов. Они обе чуть подождали. В другой день разговор на этом месте уже сворачивал бы к тому, кто ему поставил миску, с какого завода нового кота привезли и кому он теперь не даёт обедать.

Алёна поправила болтавшийся конец тента на углу кузова и полезла за руль. Из кабины доносилось радио. Торопливо повторяли, кому сегодня дать дорогу, потом радио отрубилось вместе с хлопком двери. Девушка уверенно взяла с места, проехала меж двух бочек, повела машину на серую площадку. Перед платформой притормозила там, где притормаживал отец. По снегу по краям ещё видна была полоса, с которой колёса слизывали чёрный песок. Денис когда-то смеялся над её привычкой сводить колёса к середине чужих следов. Ты перестанешь играть в классики, когда сама заплатишь за покрышки. Инга вдруг вспомнила его голос целиком, вплоть до того, как он запыхался на последнем слове. Ключ ещё сохранял в её руке тепло будки. Алёна ждала, пока Инга поднимет ладонь.

Машина целиком встала на платформу. Алёна заглушила мотор, вылезла и спустилась на асфальт. Инга вернулась в будку. На табло застыло 16 480. Алёна обошла платформу и через боковое окно протянула ей вороток от тента.

— Подержите конец? Боюсь, опять туда его унесёт.

Инга вышла к кузову. Они отцепили резину с одной стороны. Из-под полотнища показалась железная рама со сдвинутой набок ребристой крышкой. Под ней лежали два чугунных марша, вложенные один в другой. Ржавчина на кромке крышки была тёмная, а на двух углах, где за неё брались, виднелся свежий блеск. Между ступенями застряла короткая щепка с прилипшей жёлтой краской. Инга перехватила вороток, Алёна придавила край мокрого тента ладонью.

— Пока целая, можно узнать, чья. Порежут, потом ищи. Сколько вышло?

Число Инга увидела сперва на табло за своим окном, потом в прошлый четверг, когда с вечера ей надо было купить насадку под маленькие винты. Она торопилась запереть будку. Денис привёз ей насадку сам. Заглушил машину и вышел с коробочкой от мятного драже на крыльцо к Инге. В свете уличного фонаря за кабиной белела тонкая полоска старого снега. С верхней ступеньки через борт Инга видела весь голый настил кузова. Денис дул на пальцы, прижимал к жилету картонную крышку коробочки и просил, чтобы Инга запомнила число на табло.

— Шестнадцать четыреста восемьдесят, — сказала она.

— Запишите на меня.

— Я за груз не расписываюсь. Подожди, мне надо понять.

Инга вернула вороток. На ладони осталась тёмная вода с тента. Алёна достала из кармана обрезок полотенца с розовым краем и вытерла ей руку, как вытирают за ребёнком, чтобы не ходить за тряпкой дважды.

— Папа этот груз привозил сюда?

— Зачем ты решила, что сюда?

— В раму сунули кусок вашей стропы. Он говорил, у вас на такую жёлтую деньги нашлись. На людей, говорил, ищут.

— У отца твоего стропы свои имелись.

— У него две серые. В гараже на стеллаже, обе знаю. Ты можешь сказать, возил он сюда или нет?

Инга услышала, как съехало обращение. У Дениса в доме её тоже звали на «ты», хотя Алёну она там видела раза четыре. За железными воротами Геннадий прекратил перебирать медь. Инга видела его рыжую макушку над контейнером и большую руку, повисшую без дела. Сорокалетний мужик умел простоять с этой своей рукой на весу дольше, чем ребёнок с поднятой на уроке.

— Не видела лестницу. Как он на весах стоял, видела. Кузов был пустой.

— В тот самый вечер?

— В четверг, часов в семь. Покажи, когда ты нашла её.

Алёна оглянулась на контейнер. Геннадий успел опустить голову, теперь продолжал перебирать свой металл. Инга вытянула наружу мокрый край тента и накрыла верхний чугунный марш. Дочь ей помогла, хотя ещё минуту назад хотела показать ступени всеми сторонами.

— Машина стояла под замком. Дедов гараж, я там сама створку по осени перевешивала. Отец оставил мне запасной аккумулятор и ключ. Сказал, если до понедельника не позвонит, забрать машину и всё, что в кузове, привезти на ваши весы. Сначала взвесить. Так и сказал, сначала.

— Когда позвонил?

— В пятницу днём. Купил Лёшке лыжи, в трубку ещё долго бубнил про рост. Ни лыж, ни его никто вечером уже не увидел.

Инга подумала, что если руки у дочери освободятся, она снова начнёт вытирать их о жилет. Снизу, из открытого угла кузова, со стуком выпала деревянная распорка. Алёна протянулась за ней одновременно с Ингой и легонько ударила её своим лбом. От неожиданности

обе сказали «ой». Инга поймала девушку за рукав. Алёна стояла совсем близко, глаза открыты широко. На похоронах она долго держала бечёвку, которой был привязан венок. Теперь опять взяла что-то в руки раньше, чем разглядела.

— Если кто будет спрашивать, я привезла и заберу сама, — сказала она. — Нужно только число и твоя подпись. Олегу звонить я умею.

Инга прошла вдоль кабины к будке. Олега Алёна могла набрать прямо сейчас, и он с готовностью предложил бы груз выгрузить. Её саму тоже вскоре позвали бы на телефон. Вчера водителю из соседнего бокса Олег рассрочил взнос за отопление, сегодня до обеда нашёл крановщику сменщика на субботу. На звонки он отвечал, пока шёл от двери к двери, даже трудные успевал уладить по пути.

Перед Ингой, под разложенным пакетом с хлебом, лежали три заготовленных листка. Фамилии поставщиков она вписала утром. Суммы Олег обещал прислать к вечеру, вес можно поставить по суммам. Во всяком случае ни одна из трёх машин в ворота до конца суток приехать не должна. За один листок она взялась сама. Федя чинил двор после снегопада, обещанная плата за ремонт до него всё никак не доходила. В конторе каждый раз посылали его к Олегу. Инга сказала, что впишет Федину фамилию и ему больше ходить не придётся. Федя согласился. Сейчас верхняя часть её буквы «Б» виднелась из-под пакета, и Инга вспомнила, как легко старший брат перестал задавать вопросы.

Она сдвинула хлеб, отложила заготовки вниз, вытянула чистую бумагу. Сначала дата, это старая привычка, дату всегда успеешь. Потом номер машины с борта, имя женщины, время с часов над окном, полная масса. Алёна смотрела через стекло. На кончике её носа лежала водяная точка. Весовщица написала, что автомобиль взвешен с грузом. Про лестницу добавила в скобках, чтобы Алёна потом не могла подставить фотографии других вещей. Отделила жёлтый лист. Расписалась сначала на нём, потом на белом. Белый убрала в отдельную папку.

На выходе из будки Инга увидела Семёна, крановщика, он шёл мимо с пустой кружкой. Увидев Алёну, остановился возле кузова и широко расставил ноги. После операции на колене он всегда так вставал, если нужно долго смотреть вверх. Инга протянула девушке жёлтый лист и кивнула на дверь машины.

— Уезжай пока. Здесь никому это не оставляй. И тент затяни, чтобы на дороге не задрало.

— Папа бы взял деньги, если б вы ему предложили, — сказала Алёна.

Впервые за всё утро на весовщицу она смотрела прямо. Инга не сразу поняла, чего та добивается. Потом увидела, что ищет на лице хотя бы удивление. Надо было сказать, что все берут за работу, что без денег никакой грузовик даже со двора не выпустишь. Алёна свернула бумагу пополам, разгладила большим пальцем и сунула под жилет.

Семён подождал, пока она выйдет за ворота. На табло мелькнули дрожащие цифры, потом снова загорелись нули. Чёрная рама с грузом уехала в кузове. На платформе остались две размокшие колеи. Семён тронул кружку за край, проверяя, пуста ли.

— Ты зачем её опять взвесила?

Инга обернулась.

— Что опять?

Кружка чуть поднялась, Семён хотел из неё пить и только сейчас вспомнил, что пришёл за водой. Он прикрыл её ладонью, будто заметил песок на дне.

— Машину. Её папаша у тебя по три раза за смену катается, — сказал он. — Катался. Господи.

От ворот Алёна просигналила раз, а второй раз уже не стала. Семён отнял руку от кружки. Инга успела коротко обернуться вслед жёлтому жилету за стеклом. Потом вышла на платформу: прежде чем принять следующего водителя, ей захотелось самой увидеть, где заканчивались колеи.

Глава 2. Передняя створка

Алёна остановилась за аптекой, где грузовики могли встать вдоль глухой стены, и прочла бумагу от весовщицы. Подпись Инги на жёлтом листе была отчётливой. Строка над подписью отпечаталась еле заметно. Алёна поднесла её к стеклу. Имя без отчества, кузов с грузом, номер машины. По этой бумаге с неё не приняли бы даже железную ножку от табурета. При этом никому до сегодняшнего утра и в голову не пришло написать одной строкой, что она была там, с этой машиной и лестницей. Она сложила лист и убрала в нагрудный карман. Позади себя в кабине она оставила целый ящик отцовского инструмента, а лист предпочла держать на себе.

Между сиденьями лежала длинная чёрная щётка. Денис купил её после того, как старая провалилась ручкой в снег и в оттепель обнаружилась раздавленная под соседним фургоном. Жалко было, хорошая щётка. Новая не ложилась в руку, зато намного дольше держала запах шинного магазина. Алёна вытянула её и смахнула с продольного зеркала кусочек грязного льда. В правом стекле показался пустой проезд, по которому она приехала. Всё. Никто не просигналил ей вслед. Никого не нашлось, чтобы спросить, во сколько она вернётся с пустым кузовом. Можно было ехать дальше, пока сын не вышел из школы и ещё никто не успел оставить котлеты прямо в сковородке.

В Череповце у Алёны было три постоянных мебельных адреса. Если рейс отменялся, она брала вывоз железа. Платили как за любой тяжёлый груз, только кузов потом дольше отмывать. Отец вставал спозаранку, ещё до того, как появится заказ. К девяти успевал поговорить с кладовщиком, покурить с монтажниками, спросить, кому сегодня предстоит дома объяснять, почему опять без денег. Однажды за день вывез из одной квартиры два шкафа и к вечеру всё ещё помнил, за какую ореховую доску там спорили.

В пятницу Денис явился к ней после обеда с аккумулятором. Поставил на линолеум у двери и возмущался тем, как Алёна вздрагивает от царапин. Положи картонку, сказал. Под аккумулятором уже лежал кусок её же картона, вырванный из коробки, которой она закрывала сквозняк под кухонным шкафом. Пока Алёна искала другой кусок, отец вложил ей в руку второй ключ от гаража. Не вместе с ключом от своей квартиры, тот держал на пальце. Отцовский гараж имел замок, за который деду пришлось воевать с двором ещё в первый год, когда строили, и ключ теперь открывал ровно один этот замок. Под носом у ключа было круглое пятно маркера, крест в полсантиметра.

— Про аккумулятор никому не скажи, он людям нужен, — сказал отец.

— Как он людям нужен, если ты его мне принёс?

— Людям просто нужен, а тебе точно пригодится.

О лестнице он заговорил, когда Алёна уже налила ему чай. На тарелку для засохшего сыра положил две стёртые до бумажности коралловые карамельки. Эти в обёртке она в детстве ела по одной за смену, когда приходила в гараж за ним. Теперь цены на карамель он не знал, таскал их с заправки, один раз целый час разыскивал знакомый вкус и вернулся за рублёвой сдачей. В пятницу в чай так ничего и не положил. Спросил, у Лёши уже сто тридцать восемь или расти пока перестал. Алёна сказала, теперь как возьмёшься за сантиметр, соседям снизу слышно.

— Ну, я лыжи купил. Пусть ставит ногу, проверим. Слушай. Во дворе у деда машина. В понедельник, если сам не позвоню, заберёшь. Что в кузове, отвези на наши весы. Сначала взвесь. Инга там. Как-нибудь с ней по-человечески. Она меня помнит.

— Куда ты денешься в понедельник?

— Мне надо понять, куда им. Как пойму, позвоню.

На кухне треснул горшок с зелёным луком. Алёна прижимала к трещине тряпку, пока отец договаривал из прихожей. Когда вышла, он уже застёгивал куртку. Через час Денис пере-

звонил и заново спросил Лёшкин рост. Перед тем как отключиться, напомнил, чтобы она сперва взвесила машину. Алёна положила деньги на школьные обеды в холодильник под масло. Лёша всегда сначала искал масло.

В понедельник хоронили отца. С кладбища Алёна собиралась ехать к гаражу, но Лёша попросил домой. Она отвезла его сама. Машина так и простояла под замком до вторника.

Сегодня у дедова гаража мужчина в красной пуховке сдвигал лопатой тяжёлый снег в сторону, откуда его никто до весны не выгребет. Алёна два раза махнула ему из кабины, чтобы посторонился. Он отступил со снегом на лопате, пока она поворачивала к гаражу, потом подошёл к дверце.

— Ты прямо сегодня уезжаешь? Тогда я свою доску заберу. В дальнем углу. Денис говорил, и до осени оставить можно.

— В каком углу?

— В дальнем, ближе к той стене. Мне для рассады не надо. Сын пока лестницу меняет, пальто не на что бросить. Лестницу меняет! В квартиру по приставной туда-сюда скоро придётся. Сколько раз по-человечески говорил, узнай прежде, влезет ли.

Мужчина положил лопату поперёк ворот. Алёна узнала Славку, бывшего соседа. Он с отцом брал пилу по очереди. Пила давно была его, отец говорил «наша», а кто её последний раз пускал, тот всегда был виноват, что кончился бензин. Алёна остановилась перед воротами, вышла и отодвинула лопату ногой. Славка постучал себя по правому уху и с досадой сказал, из кабины ещё хуже слышно. Снег с лопаты так и отвалился у него между ног. Ступни расставил чуть шире и опять начал.

— Скажи, а ты в четверг его видел? Здесь, в гараже?

— У меня своя жизнь имеется, зачем мне его видеть? В пятницу по телефону говорил. Доска твоя, говорю? «До осени оставь». Вот прекрасный человек. Когда пользуетесь, хоть сообщай. Вы тут вдвоём устраиваетесь?

Алёна посмотрела на лопату. Лёд на её краю побелел от соли. Славка убрал лопату за спину, как будто теперь только заметил, что загородил ей дорогу.

— Я насчёт машины сама решу, — сказала она. — Доску вытащим после. Если тут будет стоять, я тебя наберу.

— Да я бы и один мог. Ключ твой не возьму, тут при тебе. В дальнем она вдоль стены. Подниму, возьму. А по Дени…

Славка подхватил лопату локтем. Постоял, глядя на Алёну без обычной улыбки. Пообещал очистить место перед воротами, чтобы ей хватило места на повороте. Отец тоже любил сперва убрать лёд и подсыпать песку, потом уже лезть за руль.

Алёна отперла ворота и развела створки. Машину теперь пришлось втиснуть прямо передом к стеллажу. Утром кабина смотрела к самому выезду. Отец любил заезжать передом, а на выезде открывал всё и звал помощника с улицы. Сейчас на внутренней стороне ворот виднелась свежая дуга от борта, а внизу торчал вывернутый винт. Кто-то сдавал в гараж задом и притёр жестяной край. Алёна прижала жесть и услышала за соседней дверью стук лопаты.

На цепи в пустом навесном ящике звякнул замок. Ключ от замка лежал в верхнем ящике стойки, с отрезком шнура, чтобы никто не мог случайно сунуть в свой карман. Алёна помнила, как Денис прорезал открывалкой этот круглый проём. Тот ключ тоже отыскала. Пригрела его в ладони и положила на место. В отцовском гараже где что лежит, ей было надо заново узнать. Пальцев пока не хватало удержать даже то, что знала.

Дома Лёша сидел на полу в прихожей. У него на коленях лежали валенки, на валенках тетрадь по математике. Он тянул варежку на карандаш, изо всей силы, чтобы, видимо, надеть её на оба конца разом. Алёна увидела, что сын опять в школе ничего не ел. Тот ещё мог краснеть от голода, и руки у него делались розовые до резинки.

— Зачем валенки? Ты в них на улицу собрался?

— Они мне как раз ещё. Я хотел посмотреть, чего там с креплением. Он когда лыжи перевяжет, сказала баба, чтоб сюда привёз. Потому валенки вынул.

Алёна вытащила карандаш из варежки, попробовала изогнуть пальцами. Лежал сухо, чуть перетёртая красная краска на ребре. Она положила валенки на носки, один упал. Лёша поднял за голенище и прижал к себе, как маленького зверя, которого собираются сплавить в другую часть дома. На нём ещё была школьная рубашка. Он был человеком, который готовился себе приготовить чай и не знал, хорошо ли это делать сегодня. Алёна повесила жилет на крючок. Из нагрудного кармана вытащила записку. Лёша следил, как она ведёт пальцами по красной полоске сбоку.

— Я пока их не нашла, — сказала она. — Если поехал после разговора, могли остаться в другой машине. Когда увидишь, что я кому-то звоню за лыжами, сними валенки и скажи мне, чтобы я завтра тоже позвонила. Ты пока покажи, что у тебя с математикой.

— Там ничего. Я переделал. Мам, а если лыжи найдутся, кто со мной пойдёт? Я уже могу один съезжать с горки. Надо немного чтоб подержали. Можно у стены сначала.

Она села с ним на пол, приложила ступни к его валенкам. Носки им обоим год назад купил Денис. Всё синие, похожие на мужские, зато есть рыжая оторочка. Свои Алёна надела утром, кроме них, чистых не оказалось. Лёша играл валенками, пока она держала его холодные руки в своих. Потом сам поднялся, разулся и попробовал ногой, есть ли тёплый воздух под дверью с коридора. Открыл её, чтобы к ним шёл. Алёна достала из холодильника конверт. Масло оставило пятно на уголке, деньги для школы уже были вынуты. Лёша подошёл, показал вывернутый карман и спросил, зачем заворачивать две сотни в такую большую бумагу, если можно положить вместе с запиской для столовой.

Позвонили, пока они ели. Голос Олега был радостный, как человеку, который приехал на нужный этаж и обнаружил, что его ждут. Он успел спросить Лёшку, как там в школе. Сын ответил «до свидания» и понёс свою тарелку к раковине. Алёна забрала у него трубку.

— Ты бы приехала ко мне. Завтра. Дело у тебя какое-то с приёмкой оказалось, Инга толком не говорит, я двоим дозвонился, оба жуют. С чем ты приехала?

— Машину поставила уже. Посмотрю вечером, когда будет свет.

— Посмотрю вечером, — повторил Олег. — Ты это плечо своё побереги. Сегодня вывозить с тебя ничего не потребуют. Завтра двоих дам, снимем тебе железо и отпущу. Машина же тебе пригодится, как человеку. Покрышки подберём.

За кухонной дверью Лёша открыл воду сильной струёй, потом как будто вспомнил, что дома дозвон, убавил. Алёна вытерла с пальца корку хлеба. Какое именно плечо ей приходилось однажды поберечь, Олег помнил по отцовским пересказам. Она сама помнила с трудом. У человека, которого знала десять лет, предложение починить машину звучало так же, как просьба открыть рот, пока он кормит. Она разглядела кончик бумаги под липкой смятой плёнкой, аккуратно задвинула его от края стола.

— Завтра я сама приду. Кто сказал, что мне надо снять железо?

Олег на секунду удержал вдох. Она слышала, как у него за спиной человек водит стулом по полу и ругается, что ручку прикрутили высоко.

— Подъезжай одна, — сказал Олег. — Я сам встречу. Будешь через калитку идти, не сваливай там ничего. На дне есть лёд, путёвого песку с утра не было.

Связь оборвалась в тот момент, когда Алёна собралась повторить вопрос. У раковины Лёша переставил тарелку, чтобы вода дошла до самой каёмки. Она посмотрела, как он снова включает её, только чуть-чуть. И достала телефон сфотографировать бумагу. На снимке придётся придавить конвертом уголок. С чужой печатью и этот был бы лучше, подумала Алёна. Завтра ей из-за этой мысли стоило попробовать другие весы.

Глава 3. Место для суммы

Инга убрала листок на Федино имя в нижний ящик и стала отдирать от хлеба прилипшую бумагу. За стеклом прошёл Геннадий. Сумка опять висела у него поперёк груди, хотя у контейнера был крючок. Инга открыла боковушку.

— Есть будешь?

— Чего-нибудь.

— Хлеб с сыром. Без чего-нибудь можешь?

— Если сяду, спрашивать будешь.

Инга придвинула дверь и разложила два ломтика на обёртке. Геннадий всё-таки вошёл, сел ближе к печке и распахнул куртку. На коленях от снега выступили мокрые пятна. Он поставил сумку так, чтобы придерживать её за ремень.

— Когда ты в последний раз Дениса видел? — спросила Инга.

Геннадий жевал на одну сторону. В пятницу он ходил к зубному. С утра скинул Инге снимок талончика, попросил за него встретить первую машину. К полудню пришёл на площадку в футболке наизнанку, после обеда чистил медь. Дениса при них в тот день не было.

— В четверг, — сказал Геннадий. — В пятницу с утра у меня двое над ухом ругались. Доктор и медсестра. Как будто это у них там болело. Больше никого из близких не видел до обеда.

— В четверг что он вывозил?

— Который раз? Я у сортировки был. Вечером створку держал. Денис правым крылом зацепил, подумал, опять мне красить. Кузов под тентом, что там лежало, через ворота не увидишь.

— Сегодня Алёна привезла раму с двумя лестничными маршами. Такие у нас были?

Геннадий завернул остаток хлеба. Сумку поднял с пола, потом заметил, что всё ещё держит обёртку, и положил её на стол.

— Мало ли у кого лестница. Хочешь ответ, иди к Олегу. А мне ещё смену здесь стоять.

У двери он наступил на задник башмака. Инга хотела крикнуть, чтобы обулся как следует, и промолчала. Шапку Геннадий оставил у печки, вернётся. За запотевшим окном уже проезжал синий автомобиль Олега. Он иногда привозил с собой апельсины, раздавал их в обед из пакета, где с краю лежала перегоревшая лампочка с кухни. Люди помнили и апельсин, и то, чьи деньги с утра обещали. Сейчас Олег вышел без пакета. До будки успел договорить по телефону, ладонью в перчатке открыл дверь.

— Алёна сама за рулём была?

— Сама.

— Что ты ей написала?

— Массу машины с грузом.

Олег положил ключи в пустую чашку. Наклонился к нижнему ящику, подёргал защёлку. Инга придвинула стул вплотную к столу. Ящик упёрся ей в колени.

— Копию покажи, — сказал Олег. — Я в чужом кармане искать не буду. Мне до вечера надо понять, за чей рейс платить.

— За рейс или за лестницу?

— За рейс. Если отдаст железо, сниму с машины своим краном. Пусть зарабатывает дальше. Знаешь, сколько у неё в фургоне ржавых порогов? Денис мне ещё зимой их показывал. Если маленькая машина встанет, чем они жить будут? Ты ей свою отдашь?

У Алёны действительно каждый выезд считался. Как-то Инга услышала, как Денис по телефону объясняет ей, кому перебросить ночную выгрузку. Надо было с Лёшей идти к врачу. Алёна назвала имя, Денис велел перезвонить ещё двоим, а сам взял первый адрес. Больше

ничего не спросил. Теперь Олегу было достаточно напомнить про фургон, и Инга уже считала, сколько лет в нём отъездит Алёна, если не найдётся другой машины.

Она вынула из отдельной папки свой белый экземпляр записки. Олег прочёл цифры и провёл пальцем под словами «с грузом».

— Кто увидит одно число, скажет, столько весит лестница. Напиши две цифры, общий вес и сколько пустая. Тогда по-человечески рассчитаемся.

— После выгрузки ещё не взвешивали. А в четверг знаешь, что показало?

— Откуда я это узнаю, если не от тебя?

Он положил лист обратно. Вынул из чашки ключи и оставил на столе. Потом вымыл обе чашки, с одной подцепил ногтем старую наклейку. Зимой так же отмыл умывальник, пока Инга разносила деньги за ремонт двора по двум листам приёмки. Половину можно было отнести на счёт настоящего труда. Остальных фамилий она вслух не произнесла. Олег похвалил её за терпение, повесил сушиться тряпку и забрал оба листа. Инга в тот день так и не спросила, кому досталась вторая половина.

— Феде за ремонт к пятнице обещал заплатить, — сказал Олег от раковины. — Он просил тебе передать. Ты его деньги брать будешь?

— Пусть сам приходит. В будке я за лом расписываюсь. Сегодня он ничего не сдавал.

Олег вытер руки и поднял со стола ключи. Попросил позвать Алёну завтра, желательно одну. С утра он ещё застанет свободного крановщика. Уходя, остановился на пороге.

— Ты ей про меня что говорила?

— Ничего.

— Надо было.

Геннадий действительно вернулся за шапкой. Забрал её с батареи, больше ничего не сказал. За его плечом на платформе виднелись тёмные следы шин. Когда он ушёл, Инга перевернула чистый лист и нарисовала длинный прямоугольник. В нём обозначила место грузовика и крыльцо. Тогда Денис подал ей открытую коробочку. С верхней ступени было видно, что в кузове пусто. Дальше, за задним бортом, она уже не могла вспомнить ничего, кроме света фонаря. Брат сказал бы, размеры где. Денис засмеялся бы над Федей, который без размера ни за что не возьмётся. Они за пару минут находили, из-за чего поспорить.

Рисунок Инга сложила отдельно. Алёне написала: «Олег уже приходил. Если всё равно полезет разговор, дай мне место рядом». Ответ получился из трёх слов: «Место дай сама».

Инга вышла запереть переднюю дверь. У сетки, возле дальнего выезда, стояла прислонённая стальная решётка. Федя за зиму трижды её переставлял. Второй раз Инга сама поскользнулась на ней, потом стала обходить. Она потрогала сухой верхний торец, под пальцами осталась старая соль. Вывезут её, когда земля подсохнет. Только дома Инга сообразила, что в своём рисунке ни одной решётки не обозначила.

Глава 4. Синий стул

Утром Алёна остановилась через дорогу от конторы Олега. Женщина на серебристой машине долго освобождала место. То откроет бардачок, то закроет, под подбородком всё держит жёлтую варежку. Алёна подождала, не сигналя. Вере Гуриной написала, что после обеда свободна, если есть мебель на город. Потом заглушила мотор. Ключ от дедова гаража она оставила дома под расчёской. С собой взяла только ключ от фургона.

Во дворе тянули за угол полотнище, чтобы накрыть ящики над воротами. Инга стояла рядом, держала верёвку, обвёрнутую вокруг нижней петли. Свалилась бы простыня — накрыла бы их обеих. Алёна подхватила натянутый угол и втиснула его между ящиками.

— Договорились? — спросила она.

— Сейчас внутрь зайдём. Руки ещё одну минуту подержи, я петельку подтяну.

Сперва подержи, после войдём. В детстве Алёна так стояла у заднего крыльца с отцовским фонариком. Сначала держи, потом узнаешь, что мы тут делаем. Потом можно вообще не спрашивать. У Инги были терпеливые руки. Она подтянула верёвку, отступила и предложила идти первой. Алёна стряхнула снег с рукава. У ворот за ними открылось служебное окно, молодая женщина в меховых рукавах глотнула из бумажного стаканчика и сразу окно закрыла. Алёна рывком отворила парадную дверь. Инга успела подхватить её у самого доводчика, придержала и вошла вслед.

В прихожей конторы стоял один синий стул. Его красили поверх старой чёрной краски, и на месте, где человек подтягивается, чтобы встать, выступали светлые слова с каким-то инвентарным номером. На железной петельке у спинки давно красовался длинный зелёный поводок. Отец раньше водил сюда крупную собаку Ладу. «Денис, стул держи», кричал Олег. Если не придержать стул, Лада немедленно возьмёт его с собой во двор, причём первым из двери выйдет всё равно стул. Потом так же кричал всем водителям. Ладу ни разу не поколотил, хотя она пожевала любимый отвёрточный чехол и в одно прекрасное утро выпустила из конторы работу за целый день. Столько лет прошло, поводок тут. Алёна видела его всякий раз, как приходилось ждать, свою сумку поставила на пол у ножки стула. В рубке у дальних весов сидеть просто негде, там давно всё распределено. У Олега было четыре обычных стула, но пока все сложили стенкой к окну, синий остался один.

Олег вышел из коридора в белой рубашке с одной застёгнутой манжетой. Другая свисала. Подал Алёне руку и поцеловал всё-таки в лицо, слева рядом с ухом. Прижал легко, чтоб она смогла отойти. Алёна вынула телефон, показала, что он выключен, сунула обратно. Олег пригладил манжету и только после этого увидел Ингу. У него не успело пройти через лицо удивление, поздоровался.

— Это за четверг, — сказал он. — Денис за этими деньгами не пришёл. Пятница у меня по нему пустая. Инг, я и сам бы ей отвёз, знал бы, что она уже по весам ездит. Лён, садись. Если телефон мешает, положи сюда.

Он вынул конверт из внутреннего кармана. На конверте стояло «Молчанов, перевозка». Алёна перевернула, склеенный шов поднялся посередине и снова лёг. Открывали, закрыли обратно плохо. Она поставила конверт торчком к стене за синим стулом.

— Вы знаете, куда его звали в пятницу?

— Он за чем-то ездил к Рябцу, — ответил Олег. — Инга тебе рассказала, как они тут дружат? Рябец там работает, на ремонтном участке. По другим рейсам я с твоим отцом рассчитался. С четверга только этот и остался.

— Работал в четверг или не работал?

— Бывало, два рейса в разных местах. Вёз у нас то, что через весы проходит. Погрузили поздно. Утром бы на другом конце разгрузился, если бы не повернул к своим. На телефоне хлопоты. Сам взрослый человек, сейчас чего про него считать. Тебе за эти рейсы полагается.

Инга села на синий стул. Со двора спросили, кто откроет почтовый ящик. Олег крикнул в форточку, что там достаточно повернуть ручку. Алёна передвинула конверт, чтобы ненароком не взять, и обернулась к Инге.

— Какой был вес, когда папа приехал? — спросила она.

Инга ответила. В комнате число прозвучало длиннее, чем на площадке. Олег перестал трогать манжету.

— Что же, он полную машину передал? — сказал он.

— В четверг кузов был открытый и пустой. А вчера с лестницей вес получился таким же. Вы сказали, он груз вывозил с вашего двора. Кто грузил?

Олег сел на подоконник. Он и из отцовской квартиры помогал Алёне выносить сумки. Поднял самую тяжёлую и сказал, что дедовы сапоги ещё спасут её в гололёд, если найдёт обе стельки. Она тогда и правда обрадовалась, что человек пришёл. Сейчас Олег поправил незастёгнутую манжету и посмотрел на конверт.

— Рустам нашёл его ещё живого у лестницы к старой конторе. Позвал скорую. Говорит, похоже, упал. Если ты из-за этого привезла железо на весы, объясни мне, при чём тут железо. Я тебе готов за рейс заплатить сегодня. А отца, Лён, ни с какого двора уже не привезёшь.

— Он сам велел привезти машину сюда.

Олег сидел тише, чем до этого. Выдохнул через нос, посмотрел на синюю спинку стула. На ноге у него теперь виднелся белый ворс от носка. Он ещё мог при ней взять конверт и снова отдать, не добиваться, чтобы Алёна подписывала. Сделал бы, если бы разговор шёл о чём-нибудь простом.

— Два человека подъедут у тебя забрать груз. В работе они покажут чего к чему. Тебе с этим до киселя добираться не надо, вот и всё. Всю жизнь ты его работы разгребала. Я не буду оставлять машину так, пока она у тебя может зарабатывать.

— У меня забрать? — спросила Алёна. — Где я его держу, вам уже сказали?

В коридоре открылась дверь, заглянула Наталья Киселёва, с мокрыми пятнами на ворсе рукавов. В обеих руках держала два открытых конверта с распечатками. При виде Алёны она отошла, поскользнулась. Олег привстал ей помочь, Наталья дёрнула левое плечо, что могла, сама удержала. Бумаги разъехались в руках. Олег провёл её в сторону, прикрыл дверь.

— Куда зовёшь, туда и подъедут, — сказал он. — А в городе, когда надо, друг друга находят. Разговори кого-то, к вечеру весь двор у тебя под окнами.

Алёна вложила конверт за поводок, прижала его пряжкой. Чуть пошатался, лёг. Алёна подняла сумку с пола и перекинула ремень на здоровое плечо.

— Когда привезу лестницу, сама скажу. До этого никого не присылайте. Как с Рустамом связаться? Он дежурил и скорую вызывал.

Олег снова взглянул на конверт. По лицу было видно, что разговор закончился на уже известном имени. На похоронах Алёна слышала от самого Рустама только «мы тогда не знали, сколько ждать». Она ему уступила место в проходе, дальше он нёс венок и не глядел по сторонам. Олег видел, как с ним говорили. Мог сказать, с какого конца смены Рустам поедет домой. Вместо этого вернулся к шкафу и поправил выпавшую канцелярскую резинку между двумя регистраторами.

— Он меня иногда просит с заправкой помочь, — сказал Олег. — Мне бы только знать, хочешь сама с ним поговорить или ещё кому это сказать.

— Сама, — ответила Алёна.

Внизу, у открытого прохода, Инга достала из кармана ключ от будки и надела кольцо на палец. Из конторы на Алёну падала узкая тень. В такой тени она когда-то ждала отца после

первого рейса на другой машине. Отец вышел в шапке, которая была явно мала, и всё спрашивал, правда ли она помнит, как поездила за ним в первый раз. Тогда ей было восемнадцать, она не помнила ни одного слова, выговоренного кроме «левее» и «не гони». Сколько лет на той площадке прошло, отец по-прежнему мог улыбнуться на входе, как к хорошей работе. Теперь ворота были приоткрыты, видно дальней крыши не было. Папино плечо в разговоре никому больше не заслоняло двор.

— Мне весы нужны другие, — сказала Алёна. — Там, где ваших никто не знает.

Инга чуть поправила кольцо на пальце. Сказала, в соседнем дворе есть весы, хозяин рабочих знает, у Олега ничего не берёт. Алёна запомнила имя и выговорила его ещё раз, Вадим Николаевич. Оставалось забрать грузовик из гаража. Прежде чем снова торговаться о рейсе, она хотела увидеть, что скажет человек, которому ничего за их лестницу не обещали.

Глава 5. Другие весы

Вадим Николаевич сначала отказался взвешивать. Алёна привезла груз на маленький двор, где с восточной стороны лежали два ряда синих бочек, и увидела возле ворот мужчину в фартуке. Он ел яблоко и глядел, как она делает лишний заход. Из-за бочек заехать прямо было бы легко, если кто-нибудь показал, можно ли их объехать через грязь. Алёна потерпела, переставилась дважды и встала у низкой створки. Мужчина доел яблоко, ушёл в будку за пакетом и только тогда показал, где ей лучше вылезти из машины.

— Если я по каждому так буду, к вечеру шлагбаум сдам. Кого ты ищешь? Вадима Николаевича вижу перед тобой, взвешивать следует с делом, а дело у меня своё. Алюминий у тебя есть?

— У меня есть деньги. За одно взвешивание сколько берёте?

— Пять минут. Беру пять минут своего человека. Таких минут сегодня двенадцать штук должны мне вернуть. Поставь у сетки, я потом к тебе подойду.

Он ушёл к навесу. У будки мужчина в пальто ел бутерброд, придерживая дверь локтем. Если ждать, пока здесь освободятся, к Лёше она сегодня опоздает. Алёна набрала Инге «От ворот гонят» и стёрла. Сколько раз отец здесь договаривался, столько и она сможет справиться сама.

Под навесом двое распахнули створки старого фургона. На плоской железной стойке у них лежал мотор. Мотор шёл по накладной, стойка принадлежала заказчику. Один водитель хотел заехать на весы как есть, потом вычесть вес стойки. Другой предложил сначала снять её. Вадим встал у борта и спросил, взвешивали ли они эту стойку отдельно. Оба замолчали. Мотор ещё предстояло выгрузить, а фургон загородил дорогу к весам.

Алёна вернулась в кабину и протёрла запотевший край лобового стекла короткой тряпкой. Снова захотелось нащупать старую отцовскую щётку, а лежала только новая. По ноге тянуло сквозняком. В этом грузовике у каждой детали был свой недостаток и к нему отцовское приспособление. Две педали потёрты, третья обута в толстую резину. В левую дверь задувает, справа под ковриком лежит кусок войлока. Вадим подошёл к колесу, постоял в разворот, мотнул головой на фургон.

— У него стойка ваша нужна? — спросила Алёна, свесившись из кабины.

— Чужая. На ней возить удобно, а отдавать хотят один мотор. Меня просят написать общий вес, им «для конторы». Завтра контора спросит, где ещё полкуска железа, и опять звонок мне. Пять минут было бы на дело, ещё десять уйдут на разговор.

Два рабочих пытались договориться о том, как выгрузить и не повредить срывную ручку на моторе. Алёна посмотрела, откуда они тянут, потом ещё раз — на свой грузовик. За синими бочками освобождалось место, куда можно было передвинуть фургон, чтобы он никого не запер. Ей уже случалось стоять час у мебельной рампы, когда все упёрлись носом в одну кабинку. Ни у кого тогда не нашлось лишнего места. Пришлось снять со своего борта два неустановленных шкафа и освободить его совсем. За те сорок минут Вера так и не позвонила ни разу. Только вечером обещала ещё полчаса записать.

— Я сейчас отъеду по кругу, — сказала она. — У вас фургон за бочки пройдёт. Его задом поставить туда, где моё место, тут разойтись уже легко.

Вадим сощурился. Фургон не хотел ехать даже в одно место, если с другого привыкли грузить, и потому они стояли, а не начинали разговаривать сначала. Он поджал фартук к животу, спустился к выезду и одним пальцем, на котором сидел тёмный блестящий шрам, изобразил, куда обоим водителям лучше повернуть. Алёна захлопнула дверь. В пять минут они управились, весы остались свободны, мотор вышел на отдельный стол. Вадим помог перевалить с раскладной тележки две мелкие вещи и плюнул в снег. Никого пока не порвало перегрузкой.

— Давай твою теперь, — сказал он. — У меня сперва горячее будет, они обед ещё раз сдвинули. Время отмечать умеешь? Въедешь, весы сама смотри. Мой человек распечатает. Груз я глазами увижу, что могу описать, то напишу и распишусь. Претензий на этот кузов у меня никаких.

От бочек Алёна развернулась и увидела будку в боковом стекле. На тех весах, где работает Инга, окошко было сбоку, здесь человек в пальто мог смотреть вдоль борта и видеть все оси. Она отыскала его взгляд и только тогда тронулась. Ключ дёргался на старом сером шнуре о колено. После перестановки фургона показалась свободная площадка, можно было заехать без стеснения. Тент в зеркале лежал ровно. С краю торчал угол крышки, он сегодня зацепил её рукав, когда проверяла, что везёт всё то же. Переднее колесо зашло на платформу, следом задние. Алёна остановилась на поднятую ладонь.

На табло цифры сперва поплыли, забылись, ещё раз показались яснее. Она выждала, пока Вадим махнул рукой из будки, вышла и спустилась с платформы. Получилось 16 460. Вадим подошёл к тенту и ждал, пока она сама открыла угол. Алёна отдала ему конец. Они стояли с разных сторон. Он сухим согнутым пальцем подвинул тёмную ворсинку от стропы. Прочитал с двух сторон пару продолговатых выбоин на крышке, обыкновенные царапины.

— Сама грузила?

— Папа оставил. На другом дворе уже взвешивали, там у меня первая бумага.

— То есть первый вес есть. Чего мне сразу не сказала? Ты моему не доверяешь или сравниваешь?

— Сравниваю, чтобы доверять. Там 16 480.

Мужчина помог откинуть оставшийся край полотнища, в середине открылось пространство, где один марш лежал в другом, как два выброшенных сапога. Вадим пальцем проверил, что опускавшийся у порожка ремень не касается земли. Потом пожелал, чтобы она сама прикрыла. Из будки вышел его помощник. Пальто накинуто поверх майки, длинные рукава без рук. Помощник с интересом смотрел на двоих, как будто ни разу не видал, что люди могут вместе стоять у весов.

— Ефремов. Дай ей распечатку. И я рядом дату с грузом от руки проставлю. Ефремов, один лист отдай ей, второй положи в ящик с машиной, к кому приезжали, чтоб после нас разобрались. Так тебе годится?

— Хотела бы знать, сколько обычно расходится.

Вадим взял карандаш и отошёл к будке. Прежде чем ответить, улыбнулся. Так улыбаются люди, когда зашли за хлебом, а их просят расписаться за магазин целиком. Алёна прошла следом. На платформе по-прежнему стоял грузовик. Теперь через окно она видела, сколько свободного места оставалось за машиной. Ефремов отдал распечатку и отправился закрывать проход за фургоном.

— Пока мы один прибор другим не проверили, за него ничего сказать не могу. У тебя сейчас этот груз и эта машина. Двадцать кило к шестнадцати с половиной тоннам смотрят каждый по-своему. Ты хочешь, чтобы там было без груза, а тут с грузом? Вот это проверишь, если приедешь со свободным кузовом. Полным хоть трижды катайся, вторую цифру откуда взять.

— У меня раньше пустой кузов весил столько же, сколько с этой лестницей. Инга сама видела.

— В руке у тебя сегодняшний вес. Хочешь про тот спрашивать — поди к самой Инге. Вот ещё время рядом проставлю, по часам. Машину освободишь, приходит время, приезжай.

Вадим потянул к себе тетрадь, приписал время и поставил печать рядом с числом. Пока он выравнивал край бумаги, Алёна достала деньги.

— Сколько с меня? — спросила Алёна.

— Коснётся, выставлю. Сегодня место мне показала, а я тебе расписался. Человек должен в таких местах хоть раз за просто так постоять. В другое время тут шлагбаум сам откроет. Раму если снимать, здесь же можно обсудить. Приходят бочки, в другой день не встретимся. Сразу у ворот не стой.

Алёна убрала новую бумагу к старой, в нагрудный карман. На одной 16 480, на другой 16 460 и чуть промокший след круглой печати. Вера Гурина спросила голосовым, возьмёт ли Алёна маленький рейс на двоих. Своим фургоном так распорядиться ещё можно. Отцовскую машину надо вернуть в гараж, а потом поговорить с человеком, который держал ворота в четверг.

— Дениса знаешь? — спросила она Вадима перед отъездом.

— Знал, — ответил он. — Нам с ним два раза за прошлый год приходилось вместе опору ставить. Платил ровно, один раз привёз лишнюю работу и хотел, чтобы мы к вечеру согласились. Так он ведёт себя со всеми или со мной с одним, думал я тогда. Когда его в хорошем настроении увидишь, знай, для тебя дело сыскалось. Ты приезжай ещё, только сперва дай знать.

Алёна кивнула. Пока узкий просвет между фургоном и синими бочками не зажало опять, надо было забрать машину. Она выехала медленно. Весовщик Ефремов шёл за машиной по мокрому месту у будки и показывал, когда можно прибавить. В правом зеркале последним улёгся длинный белый край пустых весов. Алёна впервые за три дня порадовалась, что скоро сядет в свой маленький фургон и сама узнает, сколько в нём места осталось.

Глава 6. Ящик у окна

У Феди в комнате отслоился угол обоев, и он задвинул его ящиком из-под писем. Квартира казённая, выданная ещё матери, должна была проветриваться. Когда Инга проходила мимо окна, чувствовала, как по неровности где-то наверху тянет стылым воздухом. Федя её всегда встречал в тапках, сядь пониже, говорит, там ноги легче. С тем же выражением он мог пойти к Олегу деньги просить, а Олег ответит, милый человечек, чего тебе не хватает. В комнате оказалось два ящика из-под писем. Один стоял давно, второй брат только что достал из-под письменного стола. На том, старом, висела сломанная защёлка, за неё цеплялась нитка с кухонной шторы.

— Ты чего всё сюда перенёс? — Инга поставила у края подоконника две банки, принесённые из магазина.

— Хочу порядок в буфете навести. Буфет оказался просторнее. Смотри, бумаг как у кадровика.

Инга пришла без предупреждения. Пока Федя раздвигал стулья, увидела под чашкой клочок бумаги с датой 25 марта. С оборота знакомая бледная полоса, такой бумагой пользовались в конторе Олега. Двадцать пятое было вчера. На новом листе в будке Инга так и не поставила Федину сумму, оставила одну фамилию.

— Олег говорит, у тебя деньги за мой ремонт встали. Мне опять самому ехать?

— За работу — знаю. У тебя за что ещё не доплачено?

Федя убрал в ящик маленький чугунный ключ. Дёрнул ручку дважды, крышка соскочила. Ставить на место второй раз не пытался.

— Никто тебе так сразу и не скажет по числам, — ответил он. — Я в феврале привёз ему швеллеры для крыши. Купил в другом месте, сам. Надо было поднять ворота на кронштейне. Он мне оплатил железо. Потом держал я за край, а крановщик поднимал. За руки нету.

— Без швеллеров ворота бы остались на земле?

— Навес. Ворота не рухнули. У тебя там за проход обычно не спрашивают. До утра стояли под ветром, в снегу. Потом ещё переносной щит клали у проезда, который на сырой угол наезжает. В декабре был один щит, в феврале второй. Ты с работы идёшь, всегда справа обходишь. Вот этот край мы и делали.

Инга открыла банку и подала брату блюдце с ложкой. В детстве Федя пил прямо из такой банки и потом переворачивал её над блюдцем, чтобы ни капли не оставалось. Сейчас она вспомнила другое число из будки. Покупка чёрного лома, семь тысяч восемьсот. Потом восемь тысяч ровно. Первую сумму Олег ей назвал, вторую она сама разнесла по графам. Вес вписывала последним, пока внизу не вышло столько, сколько Олег велел выдать.

— Я четыре раза подписала, что у тебя купили лом. Скажи, хоть раз ты столько железа привозил?

Федя наклонился, хлебнул из банки. Выпил так мало, что, казалось, только намочил верхнюю губу. Вернул банку на самый край. От взгляда Инги по столу не могла сдвинуться крышка. Она не любила, когда посуду ставят так, что дотронуться да упадёт, и брат этой детали уже не видел.

— Два ведра стружки могу привезти хоть завтра. От поручней насобирал. Только кто мне за эти вёдра восемь тысяч даст? Я свои деньги за навес жду.

Из открытой форточки тянуло. Штора цеплялась ниткой за ящик. Федя поставил ноги на пол. Штанины у пяток были зашиты двойным грубым швом. Брат поймал её взгляд, нагнулся и заправил выбившуюся нитку.

— Ладно, — сказала она. — За свою работу сколько ты в самом деле получил? Одно число, которое можешь показать. Ни стружки ни чужого имени я сама в руке не держала.

Федя молча достал портмоне. Там лежали талончики, одна пластиковая карточка и несколько бумажных пятисоток, сложенных вдвое. Он их считал снизу вверх, приподнимая край, света почти не оставалось. Начал заново. Инга не глядела больше, взяла вторую банку и поставила ближе к себе. Они оказались точь-в-точь одинакового размера, только под вишней крышка синяя. Федя повернул своё портмоне боком, чтобы ничего не выскочило на пол.

— Восемь наличными дали. Железки и мои руки. Марку за верхний поручень две из восьми. Ещё десять обещали. Остальные разы я помню, сколько отдал, сколько за меня заплатили, не высчитывал. А что ты хочешь услышать? Семён такой же, по выходным в банке снимает, пока дочь не знает. Здесь никто с плакатом про правильную подпись не ходит.

Инга придвинула к нему чек из магазина и короткий карандаш. Федя не взял. Руки уже потянулись к банке, застыли на полпути. Инга видела, за что он хочет ухватиться: если спросят сейчас ещё, надо хоть пить. Снаружи одна за другой закрылись две двери, кто-то тяжело поставил на лестничную клетку пакет. Раньше материн буфет при таком звуке вздрагивал. Теперь ровно дышали их два ящика.

— Напиши, ты ведь так про руки и сказал. Восемь и обещали десять. Кому отдал. Я по подписи тут все суммы пыталась разложить.

— С меня теперь спросят? — Федя поднял глаза. — Или с тебя? Узнай сначала, кто в тот вечер у твоей будки стоял. Дениса теперь все молодцом сделают. Про его деньги ты у кого спрашивала?

— Какие его деньги?

— Я с покойника за рейс не стану. Ты хочешь узнать, грузил ли он чего со двора. У меня своё было. Утром, в четверг, закончил у навеса, потом ехал к брату Натальи. Ему насосный шнур заменить надо. Как приехал ещё раз, там чёртова железка лежала, с жёлтыми концами. Думал, положили на проезд, чтобы грязь в край не набилась. А Денис у вас где обычно ставил, у будки. Я через ворота посмотрел, он опять к тебе пристал что-то считать. Да всё. Я домой пошёл.

— На весах точно видел?

— Твою спину видел и Денисову машину. Потом у выхода караульный позвал, трос переставить. Вес у него был нормальный, машина хоть самому заводи. Он, когда долго стоит, красную ручку щёлкает в кабине, не любит, если смотрят. Слышал, как щёлкнул, стекло было открыто. В наших редко у кого такой звук, я по нему машину узнаю.

Сквозняк натянул штору к окну. Инга вынула сложенный рисунок. Если Федя стоял у ворот, её спину мог увидеть сквозь окно. Он говорил, стекло в кабине было открыто. Но где тогда стоял он сам? За воротами даже гудок слышно вполуха. Хотела поставить на рисунке ещё одну точку. Федя накрыл лист ладонью и не дал развернуть.

— Мне за проезд должны, — сказал он. — Я сказал, сколько точно. Пусть отдаст. Остальное сам кто хочет, тот весы и проверяет.

Инга тихо вытащила из-под его ладони рисунок, придержала пальцами в месте сгиба. Вела ногтем по прямоугольнику. Сейчас если спросить точное место, Федя поступит с ней аккуратно. В точности придумает две стороны, о которых действительно помнит, и покажет третью, которую только что дорисовал. Она сама так привыкла помогать ему. Сумму выписать возле нужной даты. Одной строчкой сделать полезным и не показывать с другого края. Ещё немного, и можно снова будет спасти его при помощи настойчивости. Инга отвела карандаш к банке, где оставалось свободное от вишни поле.

— Пусть сам отдаст сегодня хотя бы за руки, — сказала она. — Я свою подпись за следующий лист держу у себя. Тебя попросят поступить иначе, приходи. Что получил, говори точно. Пожалуйста.

Федя принёс два стакана. Разлил вишнёвый компот поровну и поймал ложкой последнюю косточку. Инга назвала сумму ещё раз. Тогда он вынул старый чек, взял карандаш и на обороте

написал восемь тысяч, мелко и разборчиво. Почерк у него с детства был лучше её, а записки учителю он всё равно просил писать Ингу.

— Ты стоишь сейчас не там, где вчера стояла, — сказал он. — Вчера в будке им дальше писать было легче. Дальше тебя же проверят, Инка.

Инга приложила к стеклу стакан. До самого края поднимался синий свет. Она посмотрела на Федю, кивнула. Когда в коридоре зазвонил телефон, он первый пошёл взять. За дверью остановился с рукой на косяке и спросил, что сказать, если это Олег. Инга ответила, начни с тех восьми. Свою вторую банку она забрала в сумку. Теперь надо было найти Геннадия, который держал створку, и попросить его назвать одно такое же число, за которое он ещё готов отвечать.

Глава 7. Пока ворота открыты

Геннадий согласился поговорить, если Алёна дождётся второй машины. В пять он показал ей из дверей жестяного сарая два пальца, в половине шестого добавил третий. Алёна написала Вере, что задержится, и осталась у ворот. Ей хорошо было видно, чем занят Геннадий. Он стоял у контейнера и смотрел, как двое ребят возятся с куском проволоки. При желании мог бы ещё час так простоять.

Когда водитель третьей машины заехал на весы, Геннадий подошёл к ней. Носок ботинка у него был смят, у подошвы разошёлся шов. Отец в мокрый ботинок на ночь набивал бумагу из-под муки.

— Я Денису пять тысяч должен был. Он мне в четверг одолжил. Я в понедельник отдать собирался.

Геннадий вынул деньги. Из-под большого пальца торчал грязный угол купюры. Отец ссужал соседям мелкими суммами и подолгу ничего не спрашивал. Вдруг зайдёт мимоходом, попросит половину, вторую человек надеется забыть, а Денис через год помнит, на какую работу её давал.

— Убери пока, — сказала Алёна. — Мне надо узнать, кто стоял у ворот в четверг, когда папа уезжал.

Геннадий сунул деньги обратно в карман. Носком сдвинул резиновый коврик под ногами.

— За ключом приходил один. Пешком. Хотел мне накладную оставить, чтобы я в контору отнёс. Я не взял. Ворота держу, у меня руки заняты. Говорю, вот твой водитель, оба здоровые, поговорите.

— Они поговорили?

— Он у забора подождал и пошёл в обход. Денис остался возле машины. Я тогда хотел спросить, возьмут ли меня на комплектовку, там теплее. У меня зуб болел. Денис только на правое крыло смотрел. Ворота здесь цепляют, второй раз уже краску ободрал, пока ждал. «Разгляди при свете, — говорит. — Потом будешь знать, кто». Я ему сказал, красить опять за свои не стану. А он засмеялся.

Алёна перешла туда, где, по словам Геннадия, стоял человек с накладной. От забора было видно кабину и четверть борта. Остальное заслоняла открытая створка. На выступе белела свежая полоска краски, на высоте отцовского крыла.

— Папа здесь сдавал назад?

— Чуть сдал. Потом вперёд. Тут бы все так поехали, если тебе не выставят руку. Через те ворота обычно машина задом не идёт.

Алёна не помнила, чтобы отец в последнее время жаловался на скрип ворот. Дома говорил про аккумулятор, про то, что на своей машине не надо покупать всё сразу. Мог перечислить, кому поможет выехать, а кто сначала сам должен научиться глядеть по сторонам. Она протянула палец к белой полоске, но трогать не стала.

— Чего тебе от этого железа надо? — спросил Геннадий. — На дворе говорят, ждёшь, когда больше предложат.

— Хотела услышать, как он работал в четверг. Инга говорит, что кузов на весах был пустой. Как он отсюда уехал?

— Под тентом. Утром я его видел с открытым кузовом, а вечером уже накрытый. Что лежало под тентом, не глядел. Пока машину держал, больше всего того крыла боялся.

Из-за контейнера вышел молодой грузчик в кедах. Геннадий вынул ключ и послал его к другому сараю. Парень поглядел на Алёну и ушёл быстрее, чем подошёл. Она вспомнила, как во вторник Геннадий при ней держал на весу руку, пока остальные продолжали сортировать

медь. За ворота никто не обязан был выходить вслед за ней, и, видно, сегодня он тоже успел об этом пожалеть.

— Если решишь вернуть долг, напиши, сколько занял и когда. Отдашь мне, я тоже распишусь.

Геннадий наклонился и подобрал у самого коврика обломок пружины. Подбросил раз на ладони, закинул в контейнер. Железо отозвалось глухим звоном.

— Под тентом сзади жёлтая стропа торчала, — сказал он. — На свободном конце две косые чёрные черты. Я хотел оставить её на дворе, Денис говорит, пригодится. Две черты запомни. Их рабочие сами ставят, чтобы потом по всей площадке своё не искать.

— Ты их через тент увидел?

— Конец сбоку висел. У нас из-под края всегда что-нибудь висит, когда спешат. Стропу помню, лестницу не видел.

Алёна поблагодарила. Пока шла к фургону, снова открылся дальний проезд. Из глубины двора в створку ударил белый свет, и полоска краски на защёлке пропала. Вера наконец подняла трубку. До заказчика ехать было недалеко, но на работу они опаздывали уже обе.

Глава 8. Белый болт

Под конец смены Инга вытерла прямоугольник, где обычно лежала тетрадь учёта. Тетрадь ещё до обеда забрала Киселёва. Перед уходом Наталья спросила, ездил ли Денис в четверг после семи. В тетради было два приезда, утром и в полдень. Третьего Инга не внесла. В конце той смены она уже погасила свет над столом. Денис попросил посмотреть на цифры, ничего не сдавал и бумаги не требовал.

— Ты, выходит, время не знаешь, а уверена, что машина его? — спросила Наталья. — Олег говорит, у них в тот вечер было два грузовика с белым крылом. На дальних воротах с человека за выезд чуть дважды не взяли.

— У них на каких воротах? У нас с тобой?

Киселёва прикрыла пустую строку чехлом телефона. Она обычно складывала дела на отдельных людей, говорила «от ворот» или «из конторы», потом шла туда, где дело могли устроить сразу.

— Кому надо, я передам. Расчёт за рейс Олег Сафронов готовит, если ты за него спрашиваешь. За чей платить, он ещё сам не решил.

Она прихватила тетрадь и пообещала вернуть к закрытию. Инга больше не ждала. Вышла к дальним воротам. Сорокин сидел на низком табурете и придерживал газету согнутым пальцем, чтобы ветром не завернуло на соседнюю страницу. Когда Инга перевесилась через подоконник, он заслонил открытую книгу учёта.

— Запись за четверг нужна, — сказала она. — Олег говорит, машины две. У Дениса белая заплата на правом крыле. Сам видел?

— Я в пятницу был. За четверг спроси того, кто сидел. Он до завтра на выходном.

— А запись с ворот?

— Олег утром забрал, с конторой своё время сверял. Номеров у дальней створки всё равно не прочтёшь. Светит прямо в кадр. Хочешь сбоку посмотреть, сходи на шиномонтаж. Они себе свет ставили как в операционной.

Сорокин показал на дверь через дорогу и разгладил загнутый край газеты. Инга ещё ждала, что он назовёт причину, почему Олегу понадобилась именно запись с ворот. Сорокин только придержал нижнее окошко, чтобы оно не стукнуло при сквозняке. Вела бы она сейчас тетрадь сама, записала бы его слова сразу. Пока пришлось вынуть телефон и прочесть имя Алёны на стекле.

Алёна была у заказчика. Инга слышала, как кто-то сзади просит придержать дверь на лестнице. Пришлось рассказать коротко, только про белое крыло. Алёна помолчала, затем вспомнила про три болта. Два темнее заплаты, третий на палец выше. Она сама покрыла его краской, отец тогда поднимал за край крыло и думал, где просверлить. Рядом с дверью кто-то поднимал ящик; Алёна сказала, что вечером пришлёт снимок, если вернётся к гаражу. Инга попросила снять всё крыло справа, чтобы сравнить расположение.

На шиномонтаже Иван натирал пол под подъёмником длинной щёткой. Услышав про Дениса, выключил шланг и положил щётку поперёк слива.

— Он в четверг заехал, правое заднее хотел накачать. Заодно попросил снять, как ему ворота крыло притёрли. Говорит, Генку за это опять заставят красить. Весь бок велел взять. Сами по пятницам опять договорятся.

Иван вытер ладонь и нашёл снимок в переписке с Денисом. Сначала было видно только светлое крыло рядом с тёмным краем кузова. Иван увеличил. Два чёрных болта сидели по линии, белая шляпка выделялась выше. На краю заплаты был свежий узкий задир. Над ними шёл опущенный тент со складкой у кормы. Время сообщения, которым Иван отправил фотографию Денису, было 19:24.

— Сколько он здесь простоял?

— Подкачал и поехал. Пока я телефон вытирал, она уже мимо ворот пошла, машина-то. А зачем ему надо было Генку защищать, ты у Генки спроси. Я ему сегодня ещё обещал ту же щётку на вечер дать, пусть мимо будки проходит и забирает.

У самого выезда загудел компрессор. Иван переслал снимок и снова взял свою щётку. Инга обошла лужу, чтобы выйти под свет. На фотографии была та же машина, только теперь с закрытым кузовом. Что под тентом, фотография не показывала. Денис успел закрыть кузов после того, как вышел с весов, и успел заехать за воздухом на шиномонтаж. Где в эти несколько минут оказался груз, всё ещё приходилось искать.

Инга отправила Алёне снимок и время сообщения. Следом написала: «Та самая. Кузов уже под тентом». Позднее Алёна прислала своё фото: два тёмных болта и третий повыше. А потом коротко ответила, что завтра с утра спросит Славку, как отец поставил машину в гараж. Он из-за доски всё равно к воротам придёт. Инга закрыла сообщение. В её будке под газету кто-то сунул хозяйственные скобы. Тетради смен так и не вернули.

Глава 9. Две черты

Славка пришёл ровно в восемь. В одной руке держал старую пилу, в другой на ходу звенели два ключа. Алёна подала ему доску, которая стояла вдоль стены. Две выбоины на торце Славка сразу признал своими. Подставил плечо, пила скользнула и задела его по перчатке. Он охнул и снова поставил доску к стене.

— Ты чего сейчас ищешь? — спросил он. — Доску нашла. Остальное тут всё Денисово, я никуда не перелезал.

Алёна показала на створку. С той стороны, которую отец обычно распахивал первой, торчал вывернутый винт. Над ним на жести виднелась тёмная дуга. На крыле был старый задир от ворот на площадке, а здесь в свежей царапине застрял кусочек пластика. Чтобы поставить воротину ровно, сперва надо было убрать заусенец.

— Денис так в четверг и притёр, — сказал Славка. — Подожди, у меня винт с широкой шляпкой есть.

Он сунул руку в карман и подал винт, а следом вытянул прилипшую к нему тряпицу. Славка хотел убрать её обратно. Алёна придержала его за рукав. Это был отрезок жёлтой стропы, вдоль края чёрные волокна и две косые полосы. Одну почти закрыло сажей. Славка отдал ей стропу и стал искать отвёртку.

— Откуда она у тебя?

— Подобрал под колесом. В четверг. Потом хотел клин обвязать, чтоб руками не брать, и забыл.

— Ты во вторник мне только про пятничный звонок сказал. А в четверг его видел?

— Видел. Ты тогда спросила, а я всё про доску и про звонок. В четверг у нашего ряда поздно засветил фарами. Я дверь держал, он к стеллажу задом повёл. Торопился. Крылом зацепил, сказал, завтра выправлю, сейчас проволоку убери. Я вернулся за проволокой, там под колесом и лежало.

Алёна положила отрезок на ладонь, чтобы свет лучше падал на чёрные черты. Геннадий описал конец стропы в двух словах. Другая могла быть из той же стопки, с отметками одной бригады. Она притёрлась к ладони, на большом пальце осталась полоска серой пыли.

— Кто ещё с ним был?

— Лица не разглядел. Тот держал вторую створку снаружи, за кузовом, сказал «ещё полметра». Я стоял у стеллажа, у меня через стекло фара в глаза. Показалось, молодой, а по такому голосу длинных списков не составишь. Денис сам из окна мне посветил. Сзади никто борт не открывал, по крайней мере при мне.

Денис обычно заезжал в дедов гараж передом и выезжал задом. В этот раз он оставил машину кабиной к выезду, чтобы утром не пришлось просить Славку ещё раз. Алёна не стала угадывать, кто помог ему заехать. Разложила стропу на краю верстака, отогнула обугленный угол и сняла полосы крупно. Потом сняла створки снаружи и из гаража. От стеллажа, где стоял Славка, за дальней створкой человека действительно не увидишь.

Доску унесли вместе. Славка перехватил её у самого соседнего гаража, Алёна запоздала на шаг, и торец саданул её в рукав. Оба засмеялись. Славка придвинул доску сухим концом к стене и сказал, что в случае воды поставит теперь у Алёны две, пусть берёт любую. Потом узко оглядел проезд.

— Мало мы с ним разговаривали последнее время. То мой рейс, то он под вечер на смену опять едет. А из-за доски я к нему заходил. Без доски вроде и незачем. Ты если за тремя такими соберёшься, всё одно крикни. И матери позвони. Она с утра у подъезда клубок наматывала, я спросить не успел, чего на мороз вышла.

Алёна написала Рите, сможет ли Лёша пообедать у неё. Пришло «если ты не будешь думать, что я его специально кормлю». Это означало, что на плите уже есть горячее. Алёна закрепила новый винт. Створка перестала цеплять порог. Убедилась, что грузовик стоит ровно и за ворота ничего не выступает, заперла и набрала Геннадия.

Он ответил из магазина. Алёна отправила ему снимок. За его спиной кассирша спрашивала, нужен ли пакет, Геннадий сказал ей «секунду» и снова заговорил с Алёной.

— Видишь, косые? На участке у Рябца так отмечают. Им клали жёлтые, у нас такие же, а там на свободный конец чертят. Кто из наших забыл, тот возвращай и сразу бери свою. Понесут обе, потом попробуй разберись.

— Кого там спросить?

— Лидия Филина. Она знает, от какой двери ключ у кого. Один раз с ней коробку для фонаря ставил. Сбоку позови, с дальнего входа она тебя не услышит.

— Рябец там бывает?

— Работает там. Он всю работу перечислит и даже бумагу даст. Ты к Лидии сперва зайди. Они уж неделю без одной лестницы ходят, ей есть что показать.

Геннадий переслал номер. Лидия по телефону сказала, с той стороны ворот пройти можно пешком. Алёна опустила взгляд к тяжёлому замку: из гаража она пока не собиралась выгонять грузовик. Если начать со своего кузова, ей ещё раз предложат разгрузить его на месте и потом искать по углам. Лучше сперва узнать, откуда вообще вывозили лестницу. Она убрала ключ во внутренний карман, затянула створку и пошла к остановке.

Глава 10. Верхний пролёт

В мастерской отапливали одно помещение. В остальных дверь, если её надолго открыть, начинала потихоньку тянуться обратно, и приходилось подсовывать под неё деревяшку. Алёна задела такую деревяшку ногой, дверь ударила её сзади по сумке. Человек у дальнего верстака отложил ключ и показал ей, за какое место створку брать. Потом опять лёг плечом под насос, с которого собирал масло в старый противень.

— Лидия Филина у вас сегодня? — спросила Алёна.

— Наверху спросите.

Он вытер щёку плечом, приподнял голову и увидел, что она смотрит туда же, куда он показал. Сквозь открытые погрузочные ворота была видна площадка у верхней двери с перилами высотой по пояс. От перил до земли у стены был пустой пролёт. В воротах двое волоком двигали высокий стол на колёсах. Один всё норовил повернуть его за ручку, другой плотно упёрся ботинком в колесо и повторял, что на ручке резьба.

— В обход, — сказал человек с насосом. — К шкафам выйдете, там деревянная. Здесь снаружи подъёма нет.

Алёна перешагнула шланг и пошла в обход. Сверху грохнуло, двое внизу перестали спорить и оглянулись. Женщина с площадки высунула за ограждение синюю пластмассовую коробку.

— Ловить никто не будет? Тогда идите сюда. В ней два ваших ключа. В коробке хоть видно, куда класть.

Подняться наверх оказалось дольше, чем попасть из одного крыла цеха в другое. Алёна открыла вторую из одинаковых дверей, протиснулась у батареи, сняла сумку с плеча, чтобы не снести ведро. Лестница начиналась за шкафом, на первой ступеньке кто-то оставил носик от чайника. На верхней скрипела доска, если наступить ближе к стене. Женщина ушла от ограждения и стояла у окна. Открывала раму короткой плоской стамеской, чтобы проветрить.

— Здесь снаружи никак? — спросила Алёна.

Женщина нажала стамеской. Щель открылась ровно на толщину её пальца. К стене после этого немного прилегла занавеска.

— Сюда раньше на одной ноге поднимались. А сегодня первый раз пришли? Лидия. Мне сказали, с базы наберут про возврат. Вы звонить решили ногами?

— Меня зовут Алёна. Денис Молчанов машину мне оставил. Отец.

Лидия вынула стамеску. Алёна ждала, что она позовёт ещё кого-нибудь. Женщина успела положить стамеску поверх коробки, выровнять её по краю и только потом заговорила.

— Он у меня в этой же куртке два раза здесь стоял. То застёгивал, то опять расстёгивал. Мне хозяйка столовой сказала про него. Ты давно после похорон за руль?

— Я и до похорон за руль. Мне сказали, вы у себя лестницу ждёте. Я привезла бы показать прямо сейчас, но лучше сперва узнать, как она выглядела.

Лидия пододвинула коробку к стене. На синей крышке мигнуло белое от окна. Внизу с передвижного стола стянули брезент. Старый пол возле верстака поплыл от колёсных следов, будто только его и отмывали.

— Нижняя ступень у двери мешала. Под ней пол вытираешь, рука насквозь не идёт. С этой ничего не попутаешь, — сказала Лидия. — Два марша. На верхний встаёшь, вся лестница поёт. Я по ней даже узнаю, кто идёт. Длинный по краям под перила, у короткого перила только справа. Там слева к стене приваривали.

— Снять её кто попросил?

— Ждали людей, которые приходят смотреть, где можно работать. Нам пол прежде велели привести в порядок. Я сама на полу клала бумагу, когда начали снимать. Вот здесь положи ладонь. Эту железку видишь?

Металлическая планка сидела заподлицо у края площадки. Алёна присела возле ограждения. Из-под стены к лестнице уходила гладкая полоса, когда-то закрытая ответной планкой верхнего марша. В сохранившейся планке было три отверстия. Два шли по одной линии, третье заметно отвели к стене. У среднего до сих пор белел след шайбы, у смещённого держалось немного жёлтой краски.

— На три болта цепляли верхний марш, — сказала Лидия. — Угол когда-то отломился, третью дырку пересверлили в стороне. Даже когда лестница скрипела, под ногой она не ходила. Теперь все с ящиками идут изнутри по дереву и протирают локтями один и тот же угол. Скоро там до кирпича дойдём.

Алёна сняла сумку. Несколько дней она таскала с собой тяжёлую связку ключей. Сегодня взяла ключ от грузовика отдельно. На кольце он лёг между телефоном и ногтем. Пришлось сперва убрать его назад, чтобы показать фотографии. Она открыла снимок с привязкой к ребристой крышке, на которой тогда, когда снимала, лежал свёрнутый тент.

Лидия подошла сбоку. Её лицо в стекле оказалось почти таким же бледным, как поставленное на телефоне время.

— Можно дальше? Вот это... где бы посмотреть под ступенью? Ну хоть одну с обратной стороны.

— Из кузова плохо видно. Если подойти к борту и посмотреть под углом, может, и получится. Машина загружена. Я это сама не сниму.

Лидия дважды провела пальцем над телефоном, так и не коснувшись экрана.

— По этим двум хорошо видно, что марши. И уложены правильно. Мы доски под два края подкладывали, иначе они боком встали бы и начать сначала. А снизу всё чёрное. Если найду у себя фотографии, дам.

— Вы их снимали?

— Я? С вечера говорили снять, пришла утром — уже стропы положили. Я лампу принесла за Жанной. Она работает с проводкой, стойки ей мешали. Тут после хоть кто-нибудь работал с полом?

Последний вопрос Лидия сказала в сторону дверей. Из коридора вошёл тот, кто внизу упирал ботинок в колесо. На нём теперь был ещё фартук, застёгнутый на одну пряжку. Он искал свои ключи, Лидия протянула ему коробку. Человек потряс её, послушал.

— Оба положила?

— Можешь сам тихо открыть.

Он открыл. Вид у него был такой, будто он ожидал, что женщины станут смотреть, что он найдёт. Алёна убрала телефон и спросила, случайно ли выбрали для снятия четверг. Человек взял один из ключей.

— Про четверг лучше у того, кто решил, спрашивать, — сказал он. — Мы бы сперва новый спуск построили, старый потом сняли.

— Ещё скажи, что ты отказался на нём работать, — попросила Лидия.

— Отказывался. Потом пацан с ящиком инструментов запнулся. Вот и отказался.

Он протянул ей второй ключ. Она не взяла. Оба стояли лицом друг к другу и смотрели, кто первым сообразит, куда ключ положить. Лидия наконец закрыла синюю коробку, а человек положил его на крышку и вышел.

— Оно всё вот так, — сказала она. — Собираемся поднять свою работу. Долго договор ждём, а в старых заказах столько, что я сейчас могу партию сдать и завтра сидеть без дела. В дверь всякий, кто смотрит, спросит, как к верхним шкафам добраться. Скажу — у нас в ремонте. Следующий вопрос — а долго ещё? Ты бы на их месте что сказала?

— Я бы спросила, чей ремонт.

Лидия посмотрела на неё так, будто и сама собиралась это сказать, только оставляла на потом. Она сняла с подоконника остывший чай в стакане и переставила на другой край. Алёна услышала, как за ограждением открылись ворота. Снизу проехала тележка, грохнула ручкой в пол. Вместе с холодом до них дошёл густой сладкий запах: во дворе мешали что-то с соляркой, привычное отцовское. Алёна поглубже задвинула ключ в сумку.

— Если он забрал лестницу, ему надо было сюда позвонить, — сказала Лидия. — Я у себя телефон не выключаю.

Алёна хотела спросить, почему она так уверена насчёт звонка. Затем сообразила, что Лидия держится за собственную возможность что-нибудь устроить, ту самую, которая после смерти отца осталась у Алёны лишь на несколько дней и пока почти целиком состояла из ключа.

— Он просил, чтобы я сперва машину взвесила. Здесь лестницу когда-нибудь взвешивали?

— Мы от ступенек поотваливаем ржавчину, посветлеет. А так тут без машины ничего с места не уходило. Рама пришла на известных людях. Стянули всё вместе, ещё крышку сверху положили, чтоб с дороги туда ничего не налетело. Кто потом открывал, не знаю. Виктор брался сделать и привезти назад. Он бы сказал, с кого теперь спрашивать.

— У него смена сегодня здесь?

Лидия носком придержала створку, которую опять начало закрывать. Из коридора принесло сырым рукавом и железной пылью. Там поднимался человек с водяным шлангом: сначала на площадку вылез один его локоть, подтянулось плечо, наконец он выпростал вторую руку с мокрой муфтой. Лидия поймала муфту, пока та не обила стену.

— Он сперва с трубой разберётся, — сказала она. — Если спешишь, пойдём к нему. Только сфотографируй и наше место. Покажешь, если у твоей машины кто-нибудь забудет, куда всё надо везти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.